

А потом уже, как он ее вытащил, так принялась уверять, что она и не топула вовсе, а просто купалась, и это совершенно никого не касается.

Почистила себе крылышки и уселась на Лучинку просушиться.

А Таракана заставила пламя раздувать, чтобы пожарче было.

Горит Лучинка, во всю старается, а Таракан дует так, что вот-вот лопнет.

И не заметили, как Муха то вся и сгорела. Тогда они ужасно огорчились и принялись плакать.

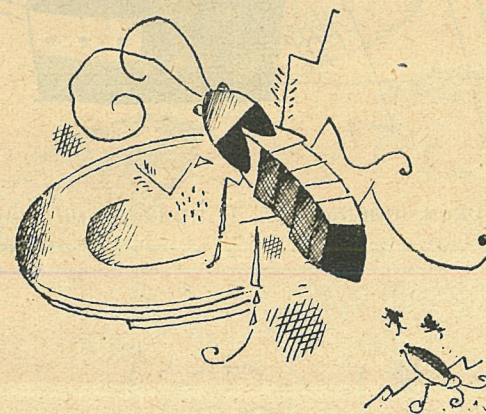
Немножко поплачут, немножко молока попьют, а потом опять поплачут и опять за молоко.

И чем дальше, тем все меньше плакали и больше молока пили.

И прямо непонятно, чего Муха жадничала. Там молока столько оказалось, что они и по сих пор сидят и хлебают, а доньшка все не видно.

История про Таракана Иваныча.

Жил был Таракан, Таракан Иваныч, усами шевелил, глаза таращил, на маленьких тараканят ворчал, все грозился в хозяйский суп их покидать.

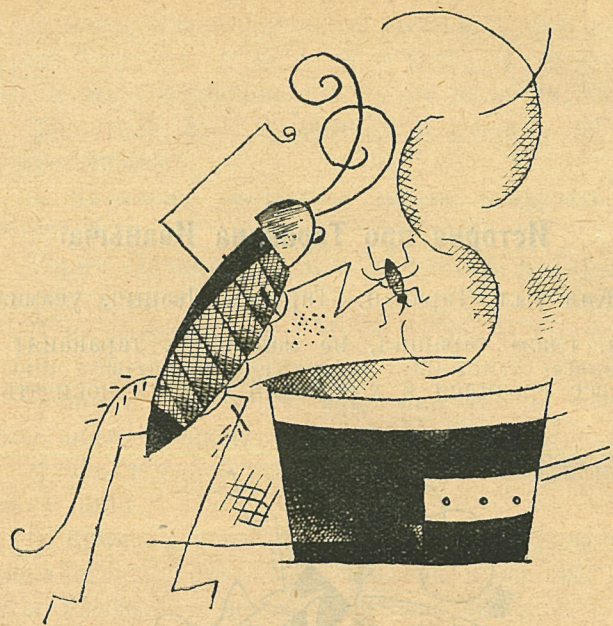

— Вот, говорит, скоро я вас шалунов в кулички вместе с изюмом запеку. —

И пошли слухи разные про тараканьи зверства.

По всем углам, под печкой, под шкафом, всюду только и шушукуются и шепчутся о тараканьих подвигах, друг другу рассказывают:

— В суп бедных тараканчиков покидал, старенькую осеннюю муху так усами напугал, что она с по-

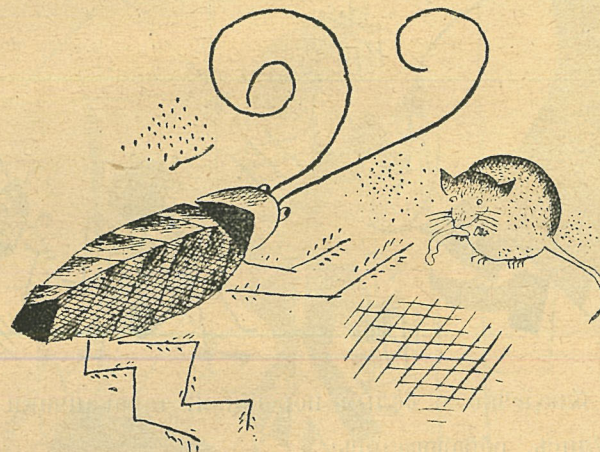
толка кувыркком шлепнулась и прямо в молоко, чуть не утонула.

— Ишь, говорят, какой злоющий тараканище.

А Таракан-Иванычу только этого и нужно. Довольный ходит, все в зеркало смотрится, и грудь топырит, и усы еще выше задирать стал.

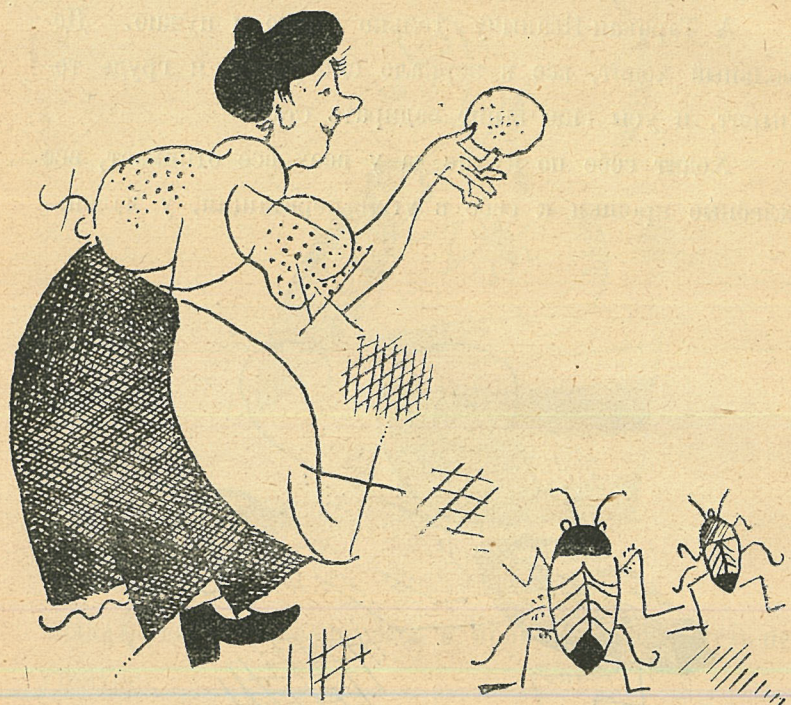
Ходит себе по кухне да у всех все отнимает, все хлебные крошки к себе в угол перетасил, у малень-

ких мышек сырную корку оттигал, а у паука так прямо изо рта муху вытащилъ — самъ с'елъ.

Скоро на кухне прямо ничего кушать не осталось — все у Таракан-Иваныча в углу навалено. Сидят все голодные тараканчики, носы повесили, ножками стучат, паук похудел и грустный такой стал, а бедные мошки да разные букашки одну воду из ковшика пьют, без закуски.

Вот однажды поставила в кухне на пол кухарка

Дарья блюдечко с белым порошком; тараканчики так и кинулись, обрадовались:

— Наконец то нам кушать принесли.

А Таракан Иваныч из угла тоже вышел и погами затопал.

— Вон пошли, дармоеды.

И прогнал, а сам уселся и ну ест, торопится — да вдруг и подавился, крах — и ножки кверху.

Старый наук подошел к блюдечку, понюхал, попробовал, прищурился и сказал:

— Обыкновенный тараканий порошок. Вкусно — но — вредно.

Иеремия — лентяй